

Мария Вячеславовна Мандрик

НА СЛУЖБЕ КЛИО: АКАДЕМИКИ М. К. ЛЮБАВСКИЙ И Ю. В. ГОТЬЕ

Матвея Кузьмича Любавского и Юрия Владимировича Готье, несмотря на разницу в возрасте, связывали дружественные отношения, длившиеся не одно десятилетие. Историки вышли из одной *alma mater* — Московского университета, в котором продолжали долгие годы вместе преподавать, передавая студентам научные взгляды своих учителей В. О. Ключевского и В. И. Герье, оба за заслуги перед наукой были избраны в действительные члены АН СССР (с разницей в десять лет). Историки вместе с ближайшими коллегами и друзьями — М. М. Богословским, С. Ф. Платоновым, С. К. Богоявленским, С. В. Бахрушиным, А. И. Яковлевым, Д. Н. Егоровым и другими — прошли через горнила революций, Гражданской войны и репрессий. В рамках одной небольшой статьи невозможно подробно описать все детали научных и дружеских взаимоотношений ученых, остановимся только на ряде ярких эпизодов из насыщенной жизни М. К. Любавского и Ю. В. Готье, которым выпала судьба жить в эпоху кардинальных преобразований российского общества.

Историки не придерживались одинаковых политических взглядов: М. К. Любавский числился монархистом, Ю. В. Готье, хоть и покинул кадетскую партию, но был близок демократическим веяниям. Однако в 1911 г. они оказались на стороне одной «баррикады». В университете произошел инцидент, повлекший за собой добровольное увольнение более трети профессоров, приват-доцентов и преподавателей, среди них В. И. Вернадский, А. А. Кизеветтер и Д. М. Петрушевский. Массовая акция протеста была вызвана действиями министра народного просвещения Л. А. Кассо, который, нарушив университетскую автономию, устранил от должности ректора и проректора университета, исключив перед этим тысячу студентов, подозревавшихся в антимонархических выступлениях. В связи с уходом части историков была предпринята перестановка кадров: М. К. Любавский возглавил кафедру Русской истории и также

занял ректорское кресло, М. М. Богословский стал заведующим второй кафедры Русской истории. У нас нет прямых свидетельств об отношении Ю. В. Готье к описываемым событиям, но на наш взгляд, историку была близка позиция М. М. Богословского, который писал в своем дневнике: «В 1911 г. я остался в университете, потому что считал уход совершенно неправильным, и прямо не мог уйти; я поступил бы, если бы ушел, против совести. Раз я остался, я совершенно правильно поступил, заняв пустую за уходом Кизеветтера кафедру, и очень хорошо сделал. Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, сберег их в чистоте и этим имею право гордиться»¹. Для Ю. В. Готье такая «охранительная» позиция будет особенно близка в первые годы советской власти. Но поляризация взглядов среди историков была достаточно сильна, так медиевиста Д. М. Петрушевского — одного из покинувших стены университета — особенно удручал тот факт, что «историко-филологический факультет показал себя достаточно толстокожим, и ряды его мало поределели»². Он считал, что Московского университета уже не существует, «а есть заурядный российский университет в городе Москве, как есть он в Варшаве, Одессе, Киеве...»³

Назначение на должность ректора закрепило за М. К. Любавским статус промонархически настроенного профессора (он считался близким к деятелям «Союза 17 октября»). Даже в 1929 г., во время выборов в действительные члены Академии наук, историку не раз припоминали этот эпизод из его прошлого⁴. В советской историографии это стало общим местом, однако современные исследователи более взвешенно подходят к оценке этого шага М. К. Любавского и видят в нем тактический ход. Так, Е. В. Старостин считает, что ректор не только устраивал монархические мероприятия, но и постоянно ходатайствовал за исключенных студентов, расширял публикаторскую деятельность университета, открывал новые кафедры и многое другое⁵. Историк, по воспоминаниям его внучки Т. Г. Ливановой, «не раз заявлял, что в университете нет места политике»⁶. С этой точкой зрения соглашались многие его коллеги, но все равно участь Московского университета казалась плачевной: «Печальная история, которая могла бы быть иной, если бы больше было уважения к себе и к науке у тех, кто так любит именовать себя профессорами мос[ковско]го университета...» — с нескрываемой грустью писал в майском письме

1911 г. к своему другу И. П. Житецкому Д. М. Петрушевский, озвучивая мысли не только большинства ушедших профессоров, но и части общества⁷.

Несмотря на разногласия в научном мире, деятельность Московского университета продолжалась, и в его стенах все также проходили защиты диссертаций, которые на многие годы вперед определяли развитие исторической мысли. Уже будучи ректором, М. К. Любавский участвовал и в значимом для Ю. В. Готье событии — защите диссертации на степень доктора русской истории под заглавием «История областного учреждения в России от Петра I до Екатерины II», том I «Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг.» Защита диссертации состоялась 19 мая 1913 г. и прошла с большим успехом — работу высоко оценили оппоненты Ю. В. Готье — М. М. Богословский и М. К. Любавский. Через два года после защиты именно оппоненты рекомендовали Ю. В. Готье в экстраординарные профессора. Этому предшествовал ряд организационных мероприятий. 17 января 1915 г. М. К. Любавский и М. М. Богословский выступили с представлением в заседании историко-филологического факультета о необходимости ввести в состав преподавателей второго штатного профессора по кафедре Русской истории, после того как это ходатайство было удовлетворено министром народного просвещения, 11 марта вышеуказанные профессора предложили на открывшееся место кандидатуру приват-доцента Ю. В. Готье, «как наиболее достойного». 18 апреля 1915 г. Совет университета избрал его на должность.

Дороги историков пересекались не только в университете. Так, они вошли в члены комитета нового Исторического общества, открытого 10 января 1916 г.⁸ Председателем выбрали В. И. Герье, а А. Н. Савина и М. К. Любавского — товарищами председателя⁹. М. К. Любавский и Ю. В. Готье являлись также и членами Общества истории и древностей российских при Московском университете. Оба историка принимали активное участие в его работе до и после революции, а также в борьбе за сохранение Общества, которую пришлось вести в 1920-е гг., о чем подробнее будет сказано ниже.

Довольно мирный ход научной жизни резко изменили события конца 1916–1917 г. Историки болезненно воспринимали изменения, так как видели аналогии в истории и понимали, чем все могло завершиться. 9 января 1917 г. М. К. Любавский сообщал С. Ф. Платонову, что в

Петроград пока не собирается, так как ждет, «не перемелет ли Бог Орду. Считаю, что нам, провинциалам, не безопасно являться в Орду: либо будешь взыскан ханскою милостью, от которой храни Бог, либо немилостью, от чего также упаси господи, либо получишь что-либо неудобное к исполнению. Вследствие всего этого вынужден пока переждать, хотя душою рвусь к Вам, чтобы побеседовать о злобах дня и узнать животрепещущие новости»¹⁰. Отвлечением от политики была работа по подготовке исторического съезда, на проведение которого недавно было получено от властей разрешение. М. К. Любавский собирался разрабатывать положение о нем для печати¹¹.

Февральская революция затронула все слои общества. Демократические веяния сразу же отразились и на университетской жизни: часть профессуры, покинувшая университет в 1911 г., заявила о готовности вернуться к преподаванию в его стенах. Так, уже 5 марта 1917 г. Совет университета «единодушно выражает горячее желание в интересах развития преподавания и объединения научных сил, вновь видеть в числе деятелей университета профессоров и преподавателей, покинувших университет в 1911 г.». 21 числа с докладом по этому вопросу выступал ректор М. К. Любавский, а 23 марта Совет университета обратился с ходатайством к министру народного просвещения о возвращении в состав университета ранее уволенных¹².

На изменения в университете М. К. Любавский смотрел философски: «Конечно, у нас, как и у вас, путем назначения пролезли разные гады, но далеко не все — были между назначенными и талантливые, достойные люди, которые очутились теперь на улице, некоторые безо всяких средств к жизни. В Московском университете положение осложнилось еще тем, что ушедшие еще в 1911 году профессора, некоторых Совет пожелал видеть снова в своей среде, предъявили нам ультиматум — вернуть их без баллотировки на покинутые ими места. При свидании я Вам (письмо С. Ф. Платонову. — М. М.) расскажу подробно, какие речи по этому поводу произносились в нашем Совете. В конце концов... ультиматум был принят, и все ушедшие профессора возвращаются к нам обратно. В числе них возвращается и кн[язь] Е. Н. Трубецкой, который недавно отвечал на приветствие по поводу обнаруженного ими в 1911 году гражданского мужества, словом, что поступок Кассо был “ставкою на хамство”, с которым они, ушедшие, не могли помириться. Приходится удивляться, после того, зачем же эти господа возвращаются в среду товарищей, которые, по их

мнению, являются никем иным, как хамами? Вот при каких “prodigies”¹³ начинается жизнь “обновленного” Московского университета!»¹⁴

Для Ю. В. Готье процесс возвращения его бывших коллег оказался довольно сложным, историк будет вспоминать об этом даже в 1921 г.: «Часто приходит мне в голову, что если русским теперешним эмигрантам удастся когда-нибудь вернуться, то тем, которые здесь выстрадали большевизм и уцелели от него, придется выдержать натиск. Прообразом этого было возвращение профессоров-кадетов в 1917 г. в Московский университет — самовлюбленные, презирующие все и всех, ничего не забывшие и ничему не научившиеся — вот какими, я думаю, придут все эти печальные деятели печальной памяти 1917 г.»¹⁵ Конечно, это писалось через шесть лет и немного в другом контексте, но даже эти строки говорят о той степени разобщенности, которая существовала в среде преподавателей. Правда, столь резкое неприятие Ю. В. Готье к вернувшимся трудно отнести, например, к А. А. Кизеветтеру, с которым он был в хороших отношениях на протяжении долгих лет. По-видимому, историк осуждал в массе, не касаясь персоналий, что очень характерно для его дневниковых записей и, возможно, для характера самого историка. Со временем многие события прошлого приобретали «другие оттенки», и если Ю. В. Готье в начале века, по всей видимости, сочувствовал студенческому движению, то уже после событий Октябрьской революции он пересмотрел свою точку зрения, ощутив все последствия подобных революционных выступлений.

Историки, как представители интеллигенции, оказались в категории плохо защищенных слоев населения. Негативные тенденции наметились уже после февральских событий. В письме от 31 марта 1917 г. на вопрос С. Ф. Платонова, как он поживает, М. К. Любавский откровенно сообщал: «...плохо. Кроме общего всем русским людям, не утратившим еще разумение и память, опасения за судьбу Родины, терзаюсь заботами о семье, о пристанище и куске насущного хлеба. 30 апреля исполняется срок моего ректорства, и я возвращаюсь в положение профессора-пенсионера, имеющего 3000 руб[лей] в год пенсии и 10 000 руб[лей] сбережений, предназначенных для детей... Искать какого-либо другого заработка по нынешним временам очень трудно, почти невозможно: дух автономии, своеволии и анархии, глубоко охватил школу, общественные и государственные учреждения, и везде всякому начальству приходится поджариваться, как живой рыбе на сковороде. Поэтому ни в какое “начальство” теперь не приходится идти, да и не возьмут, как “слугу старого режима”,

хотя мое отношение к старому режиму, как Вы знаете, было аналогично к Орде Александра Невского, а не Московских князей...»¹⁶ По стечению обстоятельств новым ректором обновленного университета станет М. А. Мензбир — один из вернувшихся в университет преподавателей¹⁷. М. К. Любавский, по-видимому, «решил не испытывать судьбу и не стал выдвигать свою кандидатуру на объявленный в марте 1917 г. конкурс на должность ректора», так как А. А. Мануйлов, возглавивший в 1911 г. уход профессоров из университета, стал после Февральской революции министром просвещения¹⁸.

С каждым месяцем становилось только хуже, всеобщее состояние страха витало в воздухе. М. К. Любавский в письме к С. Ф. Платонову от 10 мая 1918 г. сообщал, что пока жив и здоров, но как долго протянет — не знает: «нынешнюю зиму благодаря многочисленности лекций и полочки за книгу мы смогли еще обернуться, и на один летний месяц у меня хватит средств. Но как будем жить дальше, не представляю ясно. Правительствующие идиоты грозят, прежде всего, увольнением профессорам тех наук, которые не нужны пролетариату или которые числятся неудобными для них профессорами. К числу их принадлежу и я. Обо мне в их среде ходят всевозможные сплетни, воспринимаемые и распространяемые дальше самими народными комиссарами. То я уезжаю в Вильну, то становлюсь министром народного просвещения по постановлению немцев и даже премьер-министром, последняя сплетня меня сильно обеспокоила, так как я опасаясь, не пришли ли сии мысли в голову А. И. Соболевского, который запечатлел их где-либо на бумаге. Он, как Вы знаете, вероятно, арестован “за германскую ориентацию”. Но даже если меня минуют беды, связанные с этим вниманием ко мне, и я останусь профессором, предстоит перспектива остаться на одной 300 рублевой пенсии, обеспечивающей по московским ценам существование моей семьи в течение одной недели. Готовимся при таких обстоятельствах ко всему, хотя, признаюсь, никак не могу наладить себя на христианский лад»¹⁹.

Ю. В. Готье, который также находился в состоянии постоянного беспокойства за сына и больную жену, был еще менее настроен на «христианский лад». В событиях 1917 г. историк замечал характерную особенность всех русских смут: «Окончательное падение России как великой и единой державы вследствие причин не внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от своих собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства Отечества, Родины, общей солидарности, — эпизод, имеющий

мало аналогий во всемирной истории»²⁰. Истоки этого Ю. В. Готье видел в событиях прошлого: «Русский народ — народ пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди русских людей — людей, страстно желающих конечного поражения России. Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжества: русским всегда кого-то жалко — поэтому они предпочитают жалеть себя и любить свое горе»²¹. По мнению Ю. В. Готье, и Куликовская битва, и Бородино, и Плевна и многие другие события русской истории были или «поражениями или полупоражениями, или замаскированными поражениями». Историк считал Толстовскую доктрину непротивления злу одной из причин современного разложения общества: «доктрина пораженчества, абсолютно непонятная после свержения монархии, но, тем не менее, пышно расцветшая именно теперь. Ведь одними германскими шпионами дела не объяснить: их семья, как и в вопросе чистой измены, пало на добрую почву»²². Ю. В. Готье не был одинок в своих взглядах. А. Е. Ферсман 21 декабря 1917 г. с горечью признавался в письме к В. И. Вернадскому: «Надо сознаться, что при том разладе и усиливающейся разрухе, которая вокруг, ужасно трудно выяснить, что же делать и не знаешь, что лучше, что хуже. Интеллигентское непротивление злу и ее неспособность и вообще нежелание бороться, беспринципность и подчинение всякой власти так сильны, что мне лично кажется борьба очень трудной, почти безнадежной»²³. В отличие от большинства представителей русской интеллигенции, Ю. В. Готье не идеализировал народ, его героическую историю, вождей, саму революцию. Историка пугали «побочные эффекты» революции: разложение молодежи, разрушение и без того тонкого цивилизованного слоя в российском обществе, «смятение цвета русской деловой интеллигенции, например земских деятелей, дельцов <...> из которых вышли бы наилучшие деятели на первое время русской свободы»²⁴. Ю. В. Готье объяснял сложившуюся ситуацию «разинским или пугачевским характером, который принимает всякое русское политическое движение»²⁵.

Кроме университета и исторических обществ М. К. Любавский и Ю. В. Готье оказались вместе в одной «архивной лодке», которая стремительно неслась по волнам революции и гражданской войны. Интерес к архивному делу был не случаен. Эта проблема назревала еще в конце XIX в., но царское правительство не успело провести кардинальных реформ. Теперь же в ходе реорганизации государственных учреждений новая власть затронула и архивное дело, так как содержание и хране-

ние документов приобретало важное государственное и идеологическое значение. М. М. Богословский, С. К. Богоявленский, М. К. Любавский, С. А. Белокуров, Ю. В. Готье и их коллеги в Петрограде — С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, С. В. Рождественский и другие²⁶, приняли активное участие в спасении архивного фонда, став членами Центрального комитета по управлению архивами (образован ЦКУА 2 апреля 1918 г.). В Москве центром «делового ядра» группы историков и архивистов был М. К. Любавский²⁷, вокруг которого объединились историки и архивисты: Ю. В. Готье, А. Н. Филиппов, Н. Н. Ардашев, С. А. Белокуров, Н. Б. Рождественский, Ю. В. Сергиевский, Д. В. Цветаев, Б. С. Пушкин, И. И. Успенский и другие²⁸. Почти все они входили во множество комиссий по архивному делу, но, кроме этого, успевали заниматься и практической работой по спасению исторического наследия России.

В июле 1918 г. М. К. Любавский сообщил С. Ф. Платонову, что «впал в глубокое раздумье и сомнение», когда узнал о своем возможном назначении на должность заведующего областным управлением архивными делами: «...окажусь ли я на высоте положения. До сих пор я чужим был архивным делам, кроме занятий в архивах, и мне много времени потребуется и сил, чтобы войти в это дело. Между тем у меня есть некоторые невыполненные работы, которые я считаю своими жизненными задачами. Я разумею окончание труда о колонизации России и составление историко-географического атласа. Поэтому я просил бы Вас, если уже... [не] обойтись без меня, устроить дело так, чтобы мне поручить дело временно, как председателю Общества истории и древностей российских, созвать областной совет, открыть его действие и временно быть в нем председателем, пока не будет найдено другое лицо, более подходящее. Для пользы дела я рад послужить по мере сил и возможности. Но в качестве постоянного заведующего я едва ли буду в состоянии быть на уровне предстоящих трудных задач»²⁹. Соглашаясь на эту работу, М. К. Любавский, как и С. Ф. Платонов, который позднее принял на себя руководство Пушкинским домом, совершил ошибку, которая, правда, не повлекла за собой такие последствия, как для его ленинградского коллеги.

Архивная служба оказалась совсем «не временной» и весьма опасной: архивистам и историкам порой приходилось спасать документы то от разъяренной толпы, то от представителей новой власти. С М. К. Любавским осенью 1918 г. после инспекций архивов в Тульской, Орловской и Курской губерниях (с 28 августа по 16 сентября³⁰) произошла неприятная, но

весьма показательная для того времени история, которая уже освещалась в историографии. Историка арестовали и отчет для Московского областного управления архивных дел он писал в камере № 48 Бутырской тюрьмы, не имея даже под руками записных книжек, «в которых записаны детали архивных осмотров, адреса лиц», — все это находилось в ВЧК³¹. Но подобные «побочные явления» мало кого останавливали. Ю. В. Готье с коллегами свозили в Румянцевский музей библиотеки бывших аристократов, стремясь сохранить культурное наследие прошлого режима, несмотря на опасность быть арестованными за антисоветские действия.

Среди прочих М. К. Любавский и Ю. В. Готье стояли у истоков специального архивного образования. Изменения в структуре архивного дела требовали новых молодых кадров, нехватка которых ощущалась повсеместно. Поэтому в конце 1918 г. Главным управлением по архивным делам было решено образовать курсы архивистов в Москве и Петрограде. Оба историка участвовали в заседаниях, касающихся этого вопроса³². 19 октября на совещании лекторов архивных курсов М. К. Любавского даже выдвинули на должность заведующего курсами, но он произвел отвод своей кандидатуры³³ и предложил на это место С. Б. Веселовского, что и было принято³⁴. М. К. Любавский также выступил за рекламу курсов — развесить плакаты по вузам, дать заметки в «Известиях» и «Вечерних известиях»³⁵. Однако уже 12 ноября он был вынужден занять должность заведующего, так как из-за частых отъездов С. Б. Веселовского из Москвы последний сложил с себя эти обязанности³⁶. М. К. Любавский внимательно подходил к программе курсов, боролся с ее односторонней увлеченностью теорией. Остается только удивляться энтузиазму ученых, которые во время голода и гражданской войны находили в себе силы не просто заниматься организацией архивных курсов, но и поставить их на сугубо научную основу³⁷.

3 марта 1919 г. постановлением Наркомпроса при МГУ был создан Факультет общественных наук (ФОН). Это повлекло за собой выборы в университет, которые состоялись сразу же в марте. Избрание М. К. Любавского, Ю. В. Готье и ряда представителей старой профессуры прошло не совсем гладко, но из-за одного отклоненного кандидата от большевиков все результаты были аннулированы, и на новый факультет решили принимать индивидуально. В своем дневнике Ю. В. Готье на это заметил: «Пусть будет, что будет, ибо оставаться в университете в той компании, которая туда лезет, не есть уже служить и быть профессо-

ром университета. Можно допустить, чтобы они назначали, но входить с ними в соглашение или соглашательство, не следует»³⁸. 26 марта, получив 4 голоса «за» и 2 — «против», Ю. В. Готье все же был переизбран в университет, назвав все происходящее «глупой комедией»³⁹. Но уже 1 апреля выяснилось, что историков передают на новый факультет, для которого в индивидуальном порядке составляли списки, куда и М. К. Любавский, и Ю. В. Готье по каким-то причинам не попали: «Во мне борются несколько чувств; мне жаль, что моя деятельность в университете прерывается, но разум мне говорит, что для меня не может быть ничего выгоднее, как, будучи избранным советом и теперь по-большевистски переизбранным на основании всероссийского конкурса, не быть назначенным большевиками на их факультет-вертеп, в котором пришлось бы заседать с лицами, до которых не хочется дотрагиваться. Пока останусь профессором 2-го университета, а там будет видно. ...При создавшемся положении вещей — еще одним якорем меньше; это очень хорошо»⁴⁰. Однако 11 апреля в письме к М. М. Богословскому Ю. В. Готье изменил свою точку зрения: «Я... пришел к выводу, что кандидатура моя никаким образом не может быть снята. Моя преподавательская деятельность в Университете есть лучшее и самое дорогое в моей деятельности вообще, она дает мне силы работать и на других поприщах, в том числе и на музейном и добровольно я ее покинуть не могу. Что же касается совмещения должностей, то это до сих пор не мешало, а о финансовой стороне я не забочусь нисколько»⁴¹. Под этими словами мог подписаться и М. К. Любавский. Вопрос о совмещении должностей был поставлен М. Н. Покровским, который «не мог себе усвоить, как можно “будучи директором громадной библиотеки”⁴² сочетать это с университетом»⁴³. Именно эта «неувязка» не позволила Ю. В. Готье быть избранным на новый факультет, вместе с ним в список также не были включены М. К. Любавский и С. В. Бахрушин⁴⁴. Правда, уже через несколько дней все вопросы были разрешены, и Ю. В. Готье стал одновременно преподавателем в I-м и II-м МГУ, М. К. Любавский так же был избран на должность заслуженного ординарного профессора. Оба историка, несмотря на дальнейшие преобразования бывшего историко-филологического факультета, проработали в стенах университета до их ареста в 1930 г.

Несмотря на переизбрание, старая профессура уже не имела тех прав и льгот, как это было принято ранее. Скучные оклады не позволяли не только поддерживать достойный уровень жизни, но даже прокормить

семью в течение месяца⁴⁵. Уже немолодой М. К. Любавский, который считал и, видимо, не без основания, что вокруг него возвели «заграждение», должен был принять приглашение читать лекции по «Древней истории и истории славян» в Ярославском и Костромском университетах (многие его коллеги ездили с этими же целями в Иваново-Вознесенск). Историк понимал, что взвалил на себя слишком тяжелую ношу: «Не знаю, как совмещу все это со службою в Архиве юстиции. Взял эти занятия отчасти потому, что чувствую непрочность своего положения в архиве. Теперь управляющие сведены до пешек, которые должны выполнять всякие капризные распоряжения заведующего Главархивом и всевозможные благоглупости организационного отдела, во главе которого стоит проходимец... Вишневский... одна из самых паскудных личностей, которые только выдвинуты нынешним безвременьем. В высшей степени прискорбно быть исполнителем велений у подобных господ! Чувствуешь унижение, которое не приходилось испытывать в своей жизни. Наши власти таинственно уехали в Петербург. Что-то натворят они у вас?»⁴⁶

29 сентября – 3 октября 1921 г. в Москве проходила I Всероссийская конференция архивных деятелей, в которой участвовали заведующие губархивами, представители бюро Истпарта, члены коллегии Народного комиссариата просвещения и Академического центра, представители крупных местных научных обществ, архивные и научные работники. Подготовка этого крупномасштабного по тем временам мероприятия началась еще в июне. 2-го числа состоялось первое, малочисленное⁴⁷, заседание, посвященное выработке программы конференции. Присутствовали М. К. Любавский, В. И. Пичета, С. К. Богоявленский, И. Ф. Бельчиков, выступили В. И. Пичета — с программой по «вопросам общего и осведомительного характера», и С. К. Богоявленский — «с вопросами архивной практики»⁴⁸. К 8 сентября на призыв к участию в конференции в первую очередь откликнулись представители двух научных центров — Москвы и Петрограда (в том числе и Ю. В. Готье). При подготовке конференции явно прослеживалась уже более соглашательская позиция представителей немарксистской науки. Это было связано и с политическими изменениями, и с неизбежным притоком «новых» людей в архивы, особенно в провинциях. Например, на одном из заседаний, 7 сентября, было принято решение: «по соглашению Главархива с Истпартом, в порядок дня конференции включены вопросы, касающиеся деятельности Истпарта»⁴⁹.

В 1922 г. реорганизация архивного дела получила свое новое развитие. В связи с катастрофическим ухудшением дел М. К. Любавский,

А. Н. Савин, М. М. Богословский и Ю. В. Готье обратились с письмом в Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета и в Центрархив. В письме историки осудили сокращение штатов архивов, проведенное в декабре 1921 г. По их мнению, сведение к минимуму штата сотрудников угрожало развалом архивов (в частности, Архиву иностранных дел и Архиву юстиции, где насчитывалось по одному-два сотрудника) и потерей ценностей не только для России, но и для всей Европы. Историки отметили, что, оставляя на службе только старых специалистов (как бы это ни было желательно), власть прерывает преемственность в заведовании архивами, так как молодежь остается не у дел. Они указали на то, что старая власть, хоть и отличалась скупостью, но считала «необходимым держать в этих архивах достаточный для их охраны и деятельности персонал служащих»⁵⁰. Неизвестно, имело ли это письмо прямое воздействие на ход архивной реформы, но можно предположить, что инициатива ученых все же сыграла положительную роль, так как большая часть архивного фонда была сохранена.

В апреле 1926 г. путем слияния двух академических комиссий — Постоянной исторической (основана в 1903 г.) и Археографической (основана в 1834 г.), — была образована Постоянная Историко-археографическая комиссия (ПИАК), председателем которой назначили С. Ф. Платонова. В задачи этой комиссии входило: 1) наблюдение за печатанием исторических материалов и сочинений, издаваемых Академией наук, 2) научное описание, исследование и издание летописей и других исторических источников от древних времен до XX в. В личный состав комиссии вошли историки Москвы и Ленинграда, среди которых были М. Н. Покровский, Н. П. Лихачев, В. Г. Дружинин, А. И. Андреев, Б. Д. Греков, Н. Н. Сакулин, членами комиссии стали также М. М. Богословский, С. К. Богоявленский, С. Б. Веселовский, М. К. Любавский, Ю. В. Готье и другие⁵¹. ПИАК продолжила издательскую работу, проводимую ранее упраздненными комиссиями. В течение 1926–1927 гг. члены комиссии, помимо обсуждения текущих дел, выступали с докладами по различным историческим темам; Ю. В. Готье, например, коснулся давно⁵² разрабатываемой им темы «Несколько черт к биографии К. П. Победоносцева»⁵³. В марте 1928 г. ПИАК переименовали в Археографическую комиссию в связи со столетием Археографической экспедиции (1828–1834 гг.).

Наступивший 1929 г. принес с собой тревогу и неуверенность. В стране нарастала кампания против интеллигенции и «старых специалистов».

До массовых арестов представителей научной среды оставался еще целый год, но последствия борьбы со «старым миром» затронули историков уже в 1929 г. Первым предвестником надвигающейся бури стало закрытие Общества истории и древностей российских при И-м МГУ. Так, еще в начале лета 1923 г. в Москве началось наступление на научные общества «старой закваски»: «У нас большая неприятность, — сообщал М. М. Богословский С. Ф. Платонову, — с обоими историческим обществами, которым комиссия отказывает в регистрации. Хлопочем об отмене этого постановления, не знаем, что выйдет... Жаль! Оба общества так энергично работали за последнее время, доклад шел за докладом и по русской и по всеобщей истории»⁵⁴.

Отвоевать общества удалось, но ненадолго. Уже летом 1924 г. общество выселили из его старого помещения, а новое место не предоставили. Все имущество, в том числе и рукописи, были свалены в зале Общества любителей российской словесности в ящиках. В 1929 г. по постановлению Комиссии по перерегистрации уставов обществ, не преследующих целей извлечения прибыли, при Административном отделе Московского совета, Общество объявлялось закрытым с октября месяца. Председатель общества М. К. Любавский и секретарь Ю. В. Готье приняли попытку опротестовать это решение комиссии и обратились в Президиум Московского областного совета рабоче-крестьянских и красногвардейских депутатов, в Главнауку и в Академию наук СССР. Историки просили принять во внимание тот факт, что в этом году обществу исполнилось 125 лет и за время своей деятельности оно выпустило более 300 томов, подготовило много квалифицированных специалистов.

В состав общества входило 75 членов, среди которых были академики, профессора и преподаватели Московских вузов, сотрудники научных институтов, библиотек и музеев, в том числе четыре члена ВКП(б). Общество регулярно собиралось каждые две недели, заслушивало доклады, значительная часть которых была посвящена экономическим отношениям, социальным движениям и международной политике. В 1925 г. Общество перерегистрировало устав и увеличило состав в три раза, привлекая в свои ряды молодых специалистов. У Общества существовали давние и тесные связи с научными организациями Западной Европы и Америки. В марте 1929 г. его устав был перерегистрирован, но осенью, в связи с начавшейся чисткой в научных учреждениях Москвы и Ленинграда, это решение было пересмотрено. Апелляция М. К. Любавского и Ю. В. Готье

не возымела своего действия, и общество прекратило свое существование в юбилейный для него год⁵⁵.

История с закрытием общества сильно затронула историков, причастных к его деятельности. Ю. В. Готье будет вспоминать об этом через год на допросах, когда окажется в тюрьме по «Делу историков». Описывая настроение своего коллеги, Ю. В. Готье не раз подмечал его пессимистическое настроение: «Постоянное впечатление мое, что гр. Любавский проникнут глубоким и для него трагическим, может быть, чувством, что старое безвозвратно разрушается и не может возобновиться. Это чувство выражается в нем самом, в настроении покорности и обреченности. Как фактические примеры могу указать на его действия после отказа в регистрации бывшего “Общества истории и древностей” в 1929 г. — он не пошел просить за общество к тов[арищу] Бубнову, говоря, что теперь не время для существования общества»⁵⁶.

Предчувствия М. К. Любавского нашли свое подтверждение в последующих событиях. Уже на октябрьской сессии Академии наук первые были оглашены обвинения против С. Ф. Платонова. Вернувшись с сессии в Москву, М. К. Любавский пригласил к себе некоторых своих московских товарищей (в том числе и Ю. В. Готье) и «рассказал о слышанном им в очень грустном тоне, подействовавшем на слушателей. Несколько раз Любавский высказывал мысль, что и гуманитарное отделение А[кадемии] н[аук] будет расформировано»⁵⁷. Через несколько месяцев арестуют С. Ф. Платонова, затем начнутся аресты и в Москве. Ю. В. Готье, М. К. Любавский, Д. М. Егоров, Н. М. Окинин были взяты под арест 9 августа 1930 г. и вскоре переведены в Ленинград⁵⁸. Ю. В. Готье был объявлен главой «Московской секции конспиративной организации», которая к тому времени получила свое название — «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».

Арест и последовавшая за ним ссылка стали переломными в жизни всех участников этой трагедии. Показания М. К. Любавского остаются до сих пор засекреченными по просьбе Т. Г. Ливановой. В показаниях Ю. В. Готье имя его коллеги встречалось не раз. Уже на первом допросе, когда с него потребовали характеристики ближайших друзей и коллег, Ю. В. Готье показал: «Любавский — по убеждениям умеренный монархист (остался таким же октябристом, каким был до Революции). Его отношения к советской власти были совершенно непримиримыми, и он постоянно ожидал ее падения. Должен добавить, что в прямых выраже-

ниях я никогда этого от Любавского не слышал, но это оценка вытекает из объективного анализа всего его существа. Для него характерно отсутствие интереса в научной области к вопросам новейшей истории, его чисто консервативная позиция, как председателя бывшего «Общества истории древностей российских», крайний пессимизм в оценке житейской действительности и критические отзывы о деятельности Центрархива»⁵⁹. Эта характеристика М. К. Любавского мало чем отличается от дневниковых записей Ю. В. Готье за 1918–1919 гг. и вряд ли давала в руки следователя новые факты. На последующих допросах историк сообщал, что «при жизни Богословского, Любавский стоял как-то на втором плане и не стремился выйти из этого положения»⁶⁰ (показания 15 августа). Кроме того, Ю. В. Готье обстоятельно объяснял следователю, что последние годы М. К. Любавский был настолько удручен болезнью, а за тем и смертью жены, что находился вдали от активной общественной жизни⁶¹.

Несмотря на отсутствие у М. К. Любавского веры в лучшее будущее, Ю. В. Готье, который работал вместе с ним и в Комиссии по польскому вопросу, пытался показать на допросах, что его коллега не был чужд патриотизма и при советской власти. Сам Ю. В. Готье еще в дневниковых записках дал весьма нелестную оценку деятельности польской делегации, чьи представители на заседаниях требовали, кричали, что их обижают, и при этом сами грабили Россию⁶². При таком отношении «старые русские чувства» дали о себе знать, и историк отмечал: «...к полякам... начинаю чувствовать определенную ненависть»⁶³. Эта ненависть заставила Ю. В. Готье обратиться за поручительством к коммунистам (поручительство требовалось для участия в польской экспертизе)⁶⁴. В показаниях от 2 октября Ю. В. Готье, характеризуя М. К. Любавского, также вспомнил польскую комиссию и почти «продублировал» запись из дневника: «Особенно неприемлемым казался ему Рижский мир, по которому к Польше отошли земли, которые... считал исконно русскими. Враждебное чувство к Польше и сознание необходимости решить вопрос об отношениях к ней в русском национальном духе проявлялось в его суждениях постоянно»⁶⁵.

Несмотря на заслуги перед русской наукой М. К. Любавский, Ю. В. Готье и десятки их коллег были осуждены и приговорены к ссылке. М. К. Любавскому, как и его ближайшему другу С. Ф. Платонову, не суждено было вернуться из ссылки. Историк умер в Уфе 22 ноября 1936 г., совсем немного не дожив до возвращения в Москву. Ю. В. Готье посчаст-

ливилось не только вернуться в столицу, но и в стены родного университета и даже стать в 1939 г. действительным членом Академии наук СССР.

Выдающаяся плеяда историков, которая жила и работала на рубеже XIX–XX вв., оставила потомкам не только научное наследие, но и модель поведения, на которую следует равняться. Девизом ученых того поколения могли стать слова Ю. В. Готье: «На свои ученые занятия родной историей я смотрел как на служение Родине, которое мне надлежало продолжать всю жизнь»⁶⁶. На службе Истории они продолжают оставаться и в наше время.

¹ Черепнин Л. В. К 100-летию со дня рождения академика Ю. В. Готье // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 111; Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 442. Д. 4. Л. 230 об.

² Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. III. Д. 9934. Л. 1 об.

³ Там же. Ф. I. Д. 49149. Л. 1.

⁴ На заседании Отдела гуманитарных наук 25 декабря 1927 г. В. П. Бузескул выдвинул две кандидатуры — Д. И. Багалея и Д. М. Петрушевского, в то время как С. Ф. Платонов — М. К. Любавского и М. С. Грушевского, «сказав, что при одной вакансии нечего искать кого бы то ни было, кроме М. К. Любавского» (ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 56. Л. 45). Вопрос о кандидатуре не был решен долгое время, и почти через год, 1 ноября 1928 г., в письме к М. М. Богословскому С. Ф. Платонов вновь к нему возвратился: «В академии затишье. Есть сведения, что в Москве ждут забаллотирования Лукина и Фриче и спокойно к этому относятся. Академией за выборы довольны, но против М. К. Любавского собирают официальный “уличающий” материал за годы 1911–1914. “Как бы чего не вышло!”» (Там же. Л. 83). Во время допросов по «Делу историков» в 1930 г. С. Ф. Платонов такими словами вспоминал события выборов: «...помню, что к избирательной предстоящей нам кампании относились мы горячо (между прочим, кандидатура Любавского очень нас волновала), и мы готовились вообще действовать и по мере сил влиять на ход кампании, чтобы не проникли в академию лица неавторитетные и недостойные, с одной стороны, а с другой — люди агитационно настроенные и способные исказить научно-объективный характер академических собраний» (Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. С. 112–113).

⁵ Старостин Е. В. М. К. Любавский — историк-архивист // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 35–36.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ ИР НБУВ. Ф. I. Д. 49 149. Л. 1.

⁸ В дневнике М. М. Богословского это событие нашло свое отражение: «К трем часам дня я отправился в университет на открытие нашего Исторического

общества... Во дворе университета меня окликнули С. К. Богоявленский и Готье, и мы вместе вошли в университет. В плохом и неудобном помещении литературного семинария мы застали уже немало публики: самого Герье, Новгородцева, В. М. Хвостова, Любавского и др[угих]. Были и старые члены общества, сильно, надо сказать, постаревшие за то время, пока общество не действовало: Грунау, Тарасов, И. К. Линдеман и др[угие]. Герье открыл собрание речью, которую начал с упоминания об умерших членах комитета: Корелине, М. С. Соловьеве, Трубецком, Ключевском. На Соловьеве он запнулся, забыв его имя, и получилась томительная, долгая и довольно жуткая пауза. Затем он развивал натяжку, что общество, прекратившее свои собрания с 1904 г. вследствие революционных событий, отъезда его, Герье, на два года за границу и потом в Петербург по случаю назначения членом Государственного совета, все-таки продолжало свою деятельность в виде издания общедоступных брошюр по истории, которых было выпущено в свет 18 000 экземпляров. Вл. Ив. [Герье] говорил далее, что теперь для возобновления деятельности общества есть два благоприятных обстоятельства: во 1-х, имеется много молодежи, будущих научных работников, окончивших университет и Высшие женские курсы и оставленных при кафедре истории; во 2-х, начат уже и библиографический журнал, который общество может продолжить и развить... После Вл. Ив. [Герье] говорил Матвей Кузьмич [Любавский], начавши свое слово с указания на то, что из прежнего комитета осталось в живых всего 4 из 11, именно: Герье, Виппер, Виноградов и он, Любавский» URL: (http://fictionbook.ru/author/mihail_mihayilovich_bogoslovskiyi/dnevnik_1913_1919_iz_sobraniya_gosudars/read_online.html?page=8) (дата обращения: 30 марта 2009).

⁹ Архив Российской академии наук. Ф. 493. Оп. 5. Д. 109. Л. 40.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Д. 3434. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 481. Оп. 95. Д. 926. Л. 6.

¹³ Чудеса (*лат.*).

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3434. Л. 9–10 об. — Правда, стоит отметить, что и многие вернувшиеся в университет в свете произошедших затем событий не вполне «вкусили вкус справедливости»: «Жил я весь этот год невесело и не имею возможности ощутить своего возвращения в Московский университет», — констатировал в начале 1918 г. Д. М. Петрушевский (ИР НБУВ. Ф. I. Д. 49 196. Л. 2–2 об.).

¹⁵ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 160.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3434. Л. 9.

¹⁷ 29 апреля в ходе выборов из 70 голосов он получил «за» — 54, «против» — 15 и тем самым стал последним ректором «старого» университета (ЦИАМ. Ф. 481. Оп. 95. Д. 926. Л. 13).

¹⁸ Старостин Е. В. М. К. Любавский — историк-архивист. С. 38.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3434. Л. 12–13.

²⁰ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 155.

²¹ Там же. С. 157.

²² Там же.

²³ ИР НБУВ. Ф. I. Д. 27 063. Л. 1.

²⁴ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 158.

²⁵ Там же.

²⁶ Хорхордина Т. И. История и архивы. М., 1994. С. 60–61.

²⁷ До переезда Главархива во главе с Д. Б. Рязановым в Москву М. К. Любавский возглавлял его Московское отделение. С 1919 г. он являлся заместителем председателя Комиссии по централизации архивных документов и изданию архивных публикаций и руководил публикаторскими учреждениями РСФСР (*Старостин Е. В. М. К. Любавский — историк-архивист. С. 39*).

²⁸ Хорхордина Т. И. История и архивы. С. 72.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3434. Л. 14–14 об.

³⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 364. К. 11. Д. 21. Л. 3 об.

³¹ Там же. Л. 1.

³² По поводу этого начинания Ю. В. Готье записал в дневнике: «Было заседание по устройству архивных курсов; мысль сама по себе правильная: желательно, чтобы она была приведена в исполнение, но где найти достаточно душевных сил, чтобы предаться этому делу так, как это было бы нужно?» (*Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 146*).

³³ М. К. Любавский обосновывал это тем, что в связи «с присоединением к Московскому областному управлению архивов военного ведомства, и вообще быстрого увеличения количества дел по заведованию Московским областным управлением» ему невозможно брать на себя дополнительные обязанности (Государственный архив Российской Федерации. Оп. 9. Д. 53. Л. 7).

³⁴ Там же. Л. 7–7 об.

³⁵ Там же. Л. 8.

³⁶ Там же. Л. 13 об.

³⁷ Курсы через пару лет были закрыты, но уже в сентябре 1926 г. Главное управление архивным делом объявило о новом открытии Архивных курсов для подготовки квалифицированных кадров архивных работников. На курсы были снова приглашены М. К. Любавский, М. М. Богословский, С. В. Бахрушин, В. Н. Бочкарев, С. К. Богоявленский, Ю. В. Готье, В. К. Клейн.

³⁸ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 129.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. 1992. № 2–3. С. 143.

⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 47. Л. 41.

⁴² Государственный Румянцевский музей, затем — Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина.

⁴³ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 144.

⁴⁴ Там же. № 1. С. 128.

⁴⁵ Ситуация не улучшилась и в последующие годы. Так, в письме 1925 г. к С. Ф. Платонову, историк признавался, что у него нет средств на поездку в Ленинград на празднование юбилея Академии наук. Правда, он уверял, что не особо стремился посетить это торжество: «Боюсь... потока официальной лирики, образцы которой уже даны: от нее может, в конце концов, стошнить» (ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3434. Л. 27).

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3434. Л. 20 об.–21.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 270. Л. 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Д. 271. Л. 2.

⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 7. Л. 6–8.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 1199. Л. 2.

⁵² Одно из первых упоминаний относится к 13 марта 1907 г., когда историк на заседании Общества истории и древностей российских выступил с докладом «Борьба за политическое влияние в первые месяцы царствования Александра III» (ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 37. Л. 39).

⁵³ Там же. Л. 34.

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2323. Л. 23 об.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 384. К. 9/41.

⁵⁶ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб и области. П–65245. Т. 11. Л. 337–338.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 9.

⁵⁹ Архив УМБ РФ по СПб и области. П–65245. Т. 11. Л. 328.

⁶⁰ Там же. Л. 337–338.

⁶¹ Там же. Л. 328.

⁶² Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 154.

⁶³ Там же.

⁶⁴ «Сначала я вовсе не хотел этого делать, — вспомнил Ю. В. Готье, — и, во всяком случае, исключил возможность обращаться к университетским и наркомпросовским коммунистам. Наконец, я обратился к двум наименее для меня неприятным лицам — Отто Шмидту и Н. Троцкой. Я думаю, что, делая так, я делаю подлость. Но дело отстаивания русских архивов и музеев есть дело чистое, и ненависть к полякам, вызванная их безумной политикой относительно России, во мне столь же сильна, как ненависть к коммунистам» (5 января 1922 г.) (Там же. С. 151).

⁶⁵ Архив УМБ РФ по СПб и области. П–65245. Т. 8. Л. 16–17.

⁶⁶ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 170.

Информация о статье:

Автор: Мандрик Мария Вячеславовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Архива Российской Академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия, mmandrik@mail.ru

Название: На службе Клио: академики М. К. Любавский и Ю. В. Готье.

Аннотция: В статье раскрываются особенности личных и профессиональных взаимоотношений двух выдающихся историков в период социальных потрясений. Особенное внимание автор уделяет расхождению политических взглядов академиков, которое отражалось на их сотрудничестве на различных его этапах.

Ключевые слова: биографика, Московский университет, М. К. Любавский, Ю. В. Готье, революция, репрессии.

Information about the article:

Author: M. V. Mandrik

Title: At the service of the Clio: academicians M. K. Lyubavskiy and Yu. V. Gautier.

Summary: The paper reveals some features of personal and professional relations between two outstanding historians during the age of social disruption. The author pays special attention to the contradictions between personal political views of academicians affected their cooperation at its various stages.

Key words: biographical researches, Moscow University, M. K. Lyubavskiy, Yu. V. Gautier, revolution, repressions.